

УДК 94(с)167.22

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЖМУДИНА ГОЦИНСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Г. М. Гусейнов

Дагестанский государственный университет

На основе различных документов и источников в статье делается попытка объективно охарактеризовать личность Нажмудина Гоцинского и дать адекватную оценку его деятельности в событиях гражданской войны, в том числе в период антисоветского восстания в Западном Дагестане в 1920–1921 гг.

On the basis of documents and various sources in the article made has been an attempt to objectively characterize personality and activity of Nazhmudin Gotsinsky who opposed the Soviet power in Daghestan in 1920–1921.

Ключевые слова: Гражданская война; Нажмудин Гоцинский; историография.

Keywords: Civil war; Nazhmudin Gotsinsky; historiography.

В современный период оценка событий Гражданской войны в Дагестане 1918–1921 гг. является наиболее противоречивой и неоднозначной в историографической науке и по-прежнему привлекает к себе вполне оправданный интерес. Особенно это проявилось при изучении различных аспектов антисоветского восстания 1920–1921 гг., вспыхнувшего вследствие недовольства горцев противоречивой политикой, проводимой советской властью.

По нашему мнению, исследователи как советского, так и современного периодов не избежали односторонней интерпретации событий и характеристики руководителей восстания, личности и деятельность которых и сейчас оценивается неоднозначно, в связи с чем возникает потребность в объективном исследовании идеологии лидеров восстания.

Необходимо отметить, что по своим политическим взглядам руководители восстания разделились на три группы: 1) *монархическая*, возглавляемая бывшими белогвардейскими офицерами К. Алихановым, М. Джафаровым, Пираловым и др.; 2) *мусульманская*, руководимая шейхами и муллами во главе с Н. Гоцинским и опирающаяся на авторитет внука Шамиля Саид-бея; 3) *буржуазная* во главе с Цаликовым, Бамматовым и др.

Антисоветское восстание было поднято под лозунгами «борьбы за национальную независимость» и «священной войны против русских». Номинальным главой мятежа подлинное его руководители сделали молодого офицера турецкой армии Саид-бея, рассчитывая, что славное имя его деда – имама Шамиля поднимет авторитет восстания.

Характеризуя Саид-бея, Джафаров писал, что он был неустоявшимся и неопытным человеком, легко поддающимся постороннему влиянию, в особенности духовенства, но был очень храбр в бою, хотя у него не было никаких военных способностей, знал Коран наизусть, чем приводил окружающих в восторг, а что касается его родства с имамом Шамилем, то были и те, которые считали это сказкой и думали, что Саид-бей просто турецкий авантюрист [1].

Антисоветские силы использовали Саид-бея, как внука имама Шамиля, в идеологических целях. По этому поводу М.М. Доного пишет: «Общеизвестно, что имя Шамиля не раз использовали в разное время в политических целях: большевики и сторонники Нажмудина Гоцинского, гитлеровцы на пути к Кавказу и афганские моджахеда в борьбе против советских войск» [2, с. 30].

Политическим и духовным лидером восстания стал Нажмудин Гоцинский, известный деятель Горского правительства и один из активных борцов против большевиков и советской власти.

В последнее время вокруг имени Н. Гоцинского как в исторических трудах, так и в печати разгорелась дискуссия, суть которой состоит в объективной оценке личности Н. Гоцинского и его политической и религиозной деятельности во время двух революций и Гражданской войны в Дагестане.

М.М. Доного в своей статье, опубликованной в журнале «Ахульго», пишет: «Пожалуй, нет в истории Дагестана такой личности, жизнь и деятельность которой в последние 80 лет писали только черной краской. Н. Гоцинский – имам Дагестана и Чечни всегда считался и до сих

пор считается «главным врагом советской власти и трудящихся». В советской историографии Гоцинского характеризовали как лжеимаму, главаря банды и барановода и т.д. и т.п.» [3, с. 4]. Далее М.М. Доного характеризует Н. Гоцинского как человека, имевшего большой религиозный и политический авторитет среди духовенства и жителей Нагорного Дагестана и Чечни, налаживавшего взаимоотношения между жителями Аварского и Андийского округов и Чечни, помогавшего нуждающимся людям и стремившегося к созданию независимого шариатского государства в Дагестане [3, с. 5–6].

Отзываясь на эту публикацию, М.В. Вагабов, Г.А. Даниялов и др. писали следующее: «Журнал “Ахульго” называет Н. Гоцинского “популярным духовным и политическим вождем мусульман”. Мы не отрицаем, что Гоцинский был одним из видных деятелей духовенства. Но политическим вождем мусульман он никогда не был... В 1920 г. Н. Гоцинский, используя временные трудности в горах, поднял антисоветский мятеж в Дагестане. В некоторых материалах газет делается неприкрытая попытка “доказать” национально-освободительный характер этого мятежа.

Естественно, мятеж, поднятый группой контрреволюционеров с помощью иностранных государств, не может считаться национально-освободительным движением...» [4, с. 7].

Далее в статье говорится, что «... вооруженное нападение бандитских формирований со стороны Чечни на нашу республику имеет много общего с теми, кто и ранее пытался оторвать Дагестан от России. Знаменем борьбы мятежников Н. Гоцинского и современных бандитских формирований был газават. И мятежники Гоцинского, и современные главари бандформирований заявляли о том, что идут по пути Аллаха и создают исламское государство...» [4, с. 7].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что различные трактовки в оценке личности и деятельности Н. Гоцинского как в советской, так и в современной российской историографии, являются, по нашему мнению, результатом предвзятого отношения к событиям и деятелям Гражданской войны в Дагестане.

Так, в советской исторической литературе Гоцинский представляется ярким врагом дагестанского народа, на него были навешаны различные «ярлыки», хотя он имел свои политические воззрения в деле развития Дагестана после революции. При этом он, безусловно, преследовал и свои корыстные цели.

В некоторых современных научных трудах и публикациях Н. Гоцинский представляется как один из видных общественно-политических и религиозных деятелей Дагестана, мечтавших о возрождении Дагестана и стремившихся всеми силами «отгородить горцев от советской власти», а методы, которыми он при этом пользовался, особо не афишируются и не комментируются.

В этой связи очень важно объективно и досконально изучить все имеющиеся источники и на основе достоверных фактов дать реальное представление о тех или иных событиях и исторических личностях.

Характеризуя Н. Гоцинского, М. Джафаров писал: «Слава, почет, богатство отца перешли к Нажмутдину. Он был воспитан в строго юридической обстановке и получил богатое арабское образование. Это образование дало ему еще больше значения и влияния. ... По характеру Нажмутдин был гордый, заносчивый, но мало подвижный. ... Нажмутдин, будучи очень богатым и очень крупным помещиком, все-таки сохранил связь с народной массой и знал хорошо ее слабые и сильные стороны» [5].

Говоря о том, что некоторая часть горцев поддерживала Гоцинского, а другая – противостояла ему, Джафаров отмечал, что до революции в народном сознании Нажмутдин был носителем традиций Шамиля, блюстителем веры, поборником прав народа в борьбе с царским режимом, но после революции в массе горцев сложилось мнение, что вместе с царским правительством должны уйти и все те дагестанцы, которые, так или иначе, имели отношение к царской власти, а Гоцинский в свое время был начальником Самурского округа [5].

Противоречивость оценки личности Гоцинского отразилась и на характеристике личности его отца – Доного Мухаммада. В исторических исследованиях советского периода говорится о том, что отец Н. Гоцинского Доного Мухаммад, бывший наиб Шамиля, предал имама, перейдя на сторону русских. Об этом пишут А. Тахо-Годи, А. Тодорский, писатель Павленко и др. В частности, в труде Тахо-Годи говорится, что Н. Гоцинский «... сын бывшего шамилевского наива Доного Магомы, предавшегося России и за услуги русскому правительству в восстании 1877 г. произведенного в штаб-ротмистры по гвардии и награжденного землями» [6, с. 26]. Командарм А. Тодорский также упоминает «...известного наива Шамиля Доного Магому, который предал Шамиля царскому самодержавию и за это получил земли на плоскости» [7, с. 9–10].

По мнению же М.М. Доного, отец Гоцинского был до конца с Шамилем и перешел на царскую службу депутатом в Гунибский окружной суд только 27 ноября 1860 г., о чем свиде-

тельствует запись в его послужном списке, а объектом критики является не столько сам Доного Мухаммад, сколько его сын, так как его надо было представить в негативном свете.

М.М. Доного считает, что А. Тахо-Годи, несмотря на тенденциозность, дал объективную оценку личности и деятельности Гоцинского как контрреволюционера и как неординарного человека, который умел управлять массами и обладал четкой политической платформой, тактикой и стратегией жизни и борьбы [3, с. 7].

Оценивая личность Гоцинского, Р.М. Магомедов отмечал, что перед революцией в Дагестане среди духовенства наибольшим влиянием на массы верующих горцев обладали двое: Нажмудин Гоцинский и Али-Хаджи Акушинский [8, с. 404]. Это подтверждается документами дореволюционного периода – справками исполняющего обязанности директора департамента полиции С. Белецкого, составленными в начале 1911 г. и 1912 г. В частности, в одной из них говорится, что «... мусульмане дагестанцы в 1907–1908 гг. выбрали себе на случай возникновения среди кавказских магометан вождя в лице Натчбутина Магомеда-оглы, которого предназначали, в случае удачного окончания этого движения, в правители Дагестана» [3, с. 7].

Вместе с тем даже соратники Н. Гоцинского отмечали, что, преследуя и истязая своих личных противников, когда-то ущемивших его право или покушавшихся на его баранту, кутаны и имущество, он подорвал в народе веру в то, что он от имени пророка якобы поднимает правоверных на борьбу с советской властью и большевиками.

По поводу расправ Гоцинского над горцами, поддерживавшими советскую власть, и русским населением Дагестана, которое мусульманское духовенство воспринимало как «неверных» и поэтому подлежало уничтожению, М.М. Доного отмечал, что такие действия не были характерны для муфтия Северного Кавказа. По его мнению, обвинения Гоцинского в расправе над немусульманским населением Хасавюрта в январе 1918 г. не имеют под собой основы, так как в этом был замешан, по утверждению полковника Джафарова, Капланов – министр внутренних дел Горской республики [9, с. 24–25].

Об отношении Гоцинского к русским в книге М.К. Дибирова имеется важное замечание: «Н. Гоцинский всенародно говорил о том, что необходимо установить еще теснее взаимоотношения между дагестанскими и русскими народами и устранить возможность беспорядков и столкновений между ними» [10, с. 31].

Интересное мнение о Гоцинском высказывал и М.Г. Магомедов. В частности, он отмечал: «Вызывает недоумение оценка Гоцинского в нашей истории, где он объявлен фанатиком, мятежником, бандитом, выступавшим против советской власти в Дагестане. Если учесть, что Гоцинский выступал против утопической системы, не выдержавшей испытание временем и развалившейся на наших глазах, то возникает вопрос не о фанатизме, а о прозорливости и дальновидности имама, получившего прекрасное образование в Каирском университете и являвшегося признанным в горах алимом и мыслителем. Возможно, Гоцинский как просвещенный мыслитель понимал, что в условиях феодального Дагестана идеи социализма и атеизма, утверждавшиеся на местах с помощью военной силы, не могут получить поддержку народа, традиционно жившего в условиях частной собственности, рыночной экономики и мусульманской культуры. И сегодняшний резкий поворот страны к этим привычным для горцев ценностям, которые защищал имам Гоцинский, могут служить логическим оправданием идей, которые он отстаивал» [11, с. 221].

Необходимо отметить, что различные суждения по рассматриваемой проблеме, которые зачастую носят противоречивый характер, являются, на наш взгляд, тенденциозными, что, к сожалению, не способствуют объективному изучению данного вопроса.

Так, официальный орган «Союза свободных горцев» газета «Вольный горец» писала: «По-встанческое движение могло охватить Дагестана поголовно, если бы оно не было сразу же скомпрометировано в глазах населения тем, что во главе его оказались Нажмутдин Гоцинский и Кайтмас Алиханов» [12, с. 196]. На эти же факты указывал и турецкий разведчик Мустафа Бутбай, который писал, что «Неджмеддин один из известных и богатых мулл Дагестана. Я слышал от Исмаила Беркока, что у него была одна забота – увеличение количества овец. Свои личные интересы он иногда ставил выше интересов народа, и поэтому народ его возненавидел» [13, с. 27].

Еще более жесткую оценку Гоцинскому можно найти в статье А. Гаджиева «Кому поклоняются фанатики?». В частности, в ней говорится: «... Еще в 20-е годы Гоцинский не пользовался авторитетом не только среди народов Дагестана, но даже в кругу духовных лиц, выступавших с планами имамата. В 1923 г. съезд в Кахибе, в котором приняло участие 76 (по другим данным 93) влиятельных духовных лиц и ученых арабистов и несколько сот горцев, объявил: “Мы знаем, что Гоцинский обманул нас. Зная и учитывая все зло, бедствия и жертвы, нанесенные Гоцинским всем племенам Дагестана, учитывая, что он искал власти и богатства, а также предлагал свои услуги общим нашим врагам ради своих благ, забыв всех мусульман

мира, мы считаем необходимым объявить всему населению, что Гоцинский заслуживает самой суровой кары. Мы объявляем этого лжеимамма, погубившего массу людей ради своих ба-ранов и ради денег, даваемых ему англичанами вне шариата и адата...”» [14]. Здесь необходимо отметить тот факт, что в последующем все участники съезда в Кахибе были репрессиро-ваны, а сам съезд, как свидетельствуют косвенные данные, был инициирован руководством НКВД, которое хотело дискредитировать Н. Гоцинского.

О большом интересе к вопросам Гражданской войны и о различном отношении к ней сви-детельствует заседание дискуссионного клуба «Позиция», которое состоялось в конференц-зале газеты «Молодежь Дагестана» 22 октября 2004 г. На этом заседании, где обсуждалась тема «Гражданская война, или недописанная история», присутствовали на тот момент пред-седатель Комитета по религии Народного Собрания РД С.Х. Асиятилов, историки М.В. Вага-бов, Б.Б. Булатов, И.И. Магомедсултанов, М.Г. Магомедов, М.Н. Эмирова, М.М. Доного и др. [15, с. 6–7].

Обсуждение темы проходило в конструктивной форме, что позволило участникам заседа-ния высказать свое мнение по данной тематике.

В частности, Б.Б. Булатов отметил, что сейчас большинство ученых признают факт опре-деленной необъективности освещения хода Гражданской войны в советской историографии. Он отметил, что сегодня некоторые ученые и публицисты впадают в другую крайность и пе-реписывают историю по-своему, что также не допустимо.

М.В. Вагабов в своем выступлении сказал: «Думаю нам надо честно признать: все силы, которые тогда противостояли большевикам, опирались на серьезную зарубежную поддержку и носили явный антироссийский характер. Мы можем вспомнить первый декрет Горского правительства – он гласил о выходе Дагестана из состава России...

Ни в коем случае нельзя умалчивать о жестокости белогвардейцев в той войне. Были раз-рушены Губден, Дургели, Кадар, Чумхи и др.

Сейчас предпринимаются попытки реабилитировать Гоцинского и других подобных лично-стей. Он вел национально-освободительную войну? Извините, а за что же тогда боролись Кокмасов, Буйнакский, Самурский, Магомед и Гамид Далгат?».

М.Г. Магомедов и С.Х. Асиятилов возразили оратору. М.Г. Магомедов, в частности, ука-зывал на тот факт, что и большевики уничтожали дагестанские села (Гиничутль и др.). С.Х. Асиятилов высказал следующее мнение: «Давайте подойдем к этой теме вот с какой сто-роны. А кто собственно выиграл от начала революции, а затем и Гражданской войны? По-гибло множество людей, дагестанцы потеряли стабильность, собственность и свои традицион-ные ценности. Я не понимаю, как вообще можно быть сторонником революции и ужасной Гражданской войны. А что сделали советские историки с Гоцинским и его сторонниками? Благороднейших людей представили варварами».

И.И. Магомедсултанов обратил внимание на то, что «следует смотреть глубже на события того периода. Ведь по большому счету Гражданская война – это результат крайней поляриза-ции российского общества, разделение на очень богатых и нуждающихся, бедных. А уже по-том то, что происходило в России, перенеслось и в Дагестан».

В свою очередь, М.Г. Магомедов указал на то, что «очень важно сохранять уважение к участникам тех событий. Ведь можно по-разному ставить вопросы, по-разному прогнози-ровать, как бы развивались исторические процессы. К примеру: а если бы социалистическая идея победила в ее чистом, несколько идеальном виде? Если бы продолжался НЭП и обо-шлось бы без тоталитаризма, кровавых репрессий, волюнтаризма политических руководителей? Ведь тогда оказались бы правы дагестанцы-большевики, имею в виду тех, первых идей-ных коммунистов.

Можно поставить вопрос и иначе: раз события не имели такого продолжения, следова-тельно, правы были все-таки Нажмутдин Гоцинский и его сторонники».

Продолжая дискуссию, М.Н. Эмирова отметила, что надо принимать во внимание и геополитические обстоятельства, так как Дагестан был зависим от масштабных процессов, которые происходили вокруг, и не все зависело от дагестанцев в связи столкновением интересов Ан-глии, Турции, Ирана, России и других государств на Кавказе.

М.Г. Магомедов не согласился с тем, что Дагестан был игрушкой в руках мощных держав и отметил, что настоящие дагестанцы сражались тогда не за красных и не за белых, а за со-хранение себя, своего духа и образа жизни.

Выступивший в конце заседания М.М. Доного отметил следующее: «Я по-прежнему при-держиваюсь своей позиции, а Нажмутдина Гоцинского считаю искренним приверженцем ис-лама, яркой личностью и образованнейшим человеком своего времени» [15, с. 7].

Как видно из вышеизложенного, однозначно оценить события Гражданской войны не представляется возможным в силу нескольких обстоятельств: это крайности в рассуждениях

ученых, разные подходы к изучению тех или иных вопросов того периода и использование стереотипов в исследованиях по данной тематике.

Таким образом, следует отметить, что различные мнения о Гоцинском подтверждают тот факт, что история Гражданской войны, ее события и деятели требуют к себе особого отношения, а изучение драматических страниц истории Дагестана должно основываться только на достоверных источниках, исключив при этом оценки идеологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2 – Материалы по истории Дагестана советского периода. Оп. 1. Д. 74. Л. 70.
2. *Доного М.М.* Вся жизнь с мечтой о Кавказе // Черновик. 2005. 28 окт.
3. *Доного М.М.* Слово о Нажмудине Гоцинском // Ахульго. 1999. № 3. С. 4–6.
4. *Вагабов М.В., Даниялов Г.А. и др.* Измышления и действительность // Махачкалинские известия. 2001. 7 сент.
5. Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2 – Материалы по истории Дагестана советского периода. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–2.
6. *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. 236 с.
7. *Тодорский А.И.* Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1925. 187 с.
8. *Магомедов Р.М.* Дагестан: исторические этюды. Махачкала, 2001. 567 с.
9. *Доного М.М.* Контрреволюция. Махачкала, 2004. 96 с.
10. *Дибиров М.К.* История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. 200 с.
11. *Магомедов М.Г.* История аварцев. Махачкала, 2005. 280 с.
12. *Магомедов А.М.* Алибек Тахо-Годи. Махачкала, 1993. 514 с.
13. *Бутбай Мустафа.* Воспоминания о Кавказе. Махачкала, 1993. 63 с.
14. *Гаджиев А.* Кому поклоняются фанатики? // Даг. правда. 1974. 9 окт.
15. *Мехтиханов А.* Гражданская война, или недописанная история // Молодежь Дагестана. 2004. 22 окт.

Поступила в редакцию 18.10.2010 г.
Принята к печати 24.12.2014 г.